

Татьяна Трац

Я справлюсь

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 83.3(2)
Г78

Грац Т.

Г78 Я справлюсь / Т. Грац — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 250 с. с.: илл.

ISBN 978-5-517-11146-3

Если ты загруженная проблемами мама семнадцатилетнего парня, значит ли это, что твое время прошло? Или еще есть шанс на счастье? Если ты старшеклассник, погруженный в вихрь первых страстей, тебе точно не до маминых дел. Но вы же одна семья, и ты ее единственная опора. Если ты маленькая девочка, у тебя все впереди, мир кажется ярким, но порой бывает несправедливым. Если ты мужчина и в одиночку растишь дочь, можно ли тебе думать о личной жизни?

А теперь смешаем четыре истории и... что получим?

BIC FRD
BISAC FIC027000

ISBN 978-5-517-11146-3

© Татьяна Грац, текст, 2024
© JBook_7, иллюстрации, 2024
© RUGRAM, оформление, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

Часть 1

Глава 1

Марина

Идти по размокшему тротуару оказалось непростой задачей. Там, где соль, песок и подтаявший снег вперемешку, волей-неволей сапоги сами начинают чавкать, набирая внутрь себя все больше воды. И так из года в год. Но если не обращать на это внимания, то в воздухе веет весной, а именно первым мартовским днем.

В ушах играет *Carry On Wayward Son*, и от этого хочется ускорить шаг. Но ноги увязают в жиже, и я послушно сбавляю темп. Что по курсу? По курсу — магазин у дома. Захожу в него, чтобы купить масло и немного огурцов. Сегодня среда, через час приедет Сёма, нужно же его чем-то накормить. Помнится, в холодильнике лежит индейка. Можно сделать картофельное пюре или лучше макароны? По-любому Сёму ничем не удивить, он уже многое в своей жизни перепробовал (и это я не только о еде говорю). Особенно с тех пор, как купил подержанный «Лексус». По тому, как он ласково стал называть его «Сускел», думается, что автомобиль ведет себя не сильно хорошо. Или, например, его жена. Она теперь администратор ресторана и тоже работает допоздна. Откуда у людей рвение так много работать? Будь мне снова тридцать

лет, я бы буквально не вылезала из дома и училась готовить блинчики. Но мое время прошло.

Поднимаюсь по лестнице на первый этаж и хватаюсь за ручку двери. Закрыто. Фыркаю, достаю ключ и засаживаю его в замок. Оборот — и готово. Ручка поддается мне, открываю дверь и вхожу. Мой взгляд тут же падает на женскую обувь у входа. В сердце что-то больно ёкает, и оно начинает биться сильнее.

«Вот оно, началось», — про себя думаю я.

Осторожно прикрываю за собой дверь. Также тихо раздеваюсь, продолжаю рассматривать незнакомые ботинки. Точнее, гриндерсы. Огромные такие, высокие, на толстой подошве. Пытаюсь представить образ девушки, которая их носит. В голову лезут всякие готы и панки с сотней пирсингов во всех возможных местах. И татуировки. А как же без них? Обязательно татуировки, сейчас модно набивать их себе на лице и руках, прямо на кистях.

«Что делать? Может, устроить скандал? Ворваться в комнату и разораться?» — размышляю я.

Но так поступают только слабые женщины. Посматриваю на закрытую комнату и отчетливо вижу, что в ней темно. Всячески успокаиваю себя и иду на кухню. Стараюсь по пути не прислушиваться к тому, что происходит в закрытой и темной комнате, пытаюсь готовить ужин. В голову все равно лезут всякие мысли, когда разделяваю тушку индейки на доске. А нормально ли то, что происходит? Или я должна вмешаться? Может быть, все-таки заглянуть? И что я скажу?

«Ребятки, у вас тут как дела? Помощь нужна?»

Тихо смеюсь и качаю головой. Этого точно не стоит делать. Будь мне семнадцать, как бы я отреагировала на подобное? Конечно же, разозлилась бы. Но я и не была такой в семнадцать

лет. Ну, хорошо, да, залетела в восемнадцать, но он хотел на мне жениться...

Дверь хлопает, и я подскакиваю на месте от неожиданности. Слишком громко на фоне полной тишины в квартире. К тому же я уже давно перестала стучать ножом по доске. Ставлю кастрюлю с водой на огонь как ни в чем не бывало. Совершенно не обращаю внимания на шаги, приближающиеся к кухне.

— Мам, привет, — смущенно говорит Рома, и здесь я уже натягиваю улыбку и смело поворачиваюсь к нему лицом.

— Привет, — говорю я, между делом старательно обхожу взглядом гостью нашего дома.

Красноволосая девочка в рубашке и кофте. Пучеглазенькая, с яркими красными губами и жирно покрашенными глазами. А какая маленькая! Интересно, какой у нее рост? Не удивлюсь, если ее дразнят полторашкой. Но ее глаза пылают уверенностью. Слишком уж дерзко поглядывают на меня.

— Мам, это Полина. Полина, это мама, — мнется у двери в кухню Ромка.

— Марина Николаевна, — представляюсь я, предполагая, что Полина вряд ли будет называть меня «мамой». — Хотите есть? Через полчаса ужин будет готов.

— Нет, в другой раз, Полина уже уходит.

— Ты разве ее не проводишь? — с наигранной вежливостью спрашиваю я.

— За мной мама заехала, — почувствовав фальшь, точно на вызов отвечает Полина.

А голос у нее тоже поставлен. Командный.

Я желаю ей хорошего вечера и приглашаю прийти к нам еще. Она кивает и уходит. Рома чутко не отходит от девушки ни на шаг. Слышу в коридоре их шепот, но не хочу знать,

о чем они говорят. Мне и так ясно, что я не понравилась Полине. А кому нравятся мамы парней? Они же вечно мешают, приходят не вовремя, еще и ревнуют своих сыновей. Я тоже из таких, но тщательно это скрываю. У нас хорошие отношения с сыном, и у меня нет никакого желания их портить.

Засыпаю макароны в кастрюлю, пока копошение в коридоре продолжается. Доносится громкий звук застегивающейся молнии на куртке. Потом Ромкин голос, отчетливо произносящий: «Я тебе позвоню, малышка». Корчу гримасу от этого прозвища. Приторно сладко и пафосно. Но для его возраста, наверное, правильно. Ведь Полина — действительно малышка, хотя бы из-за роста...

Вода не успевает повторно вскипеть, чтобы заполнить тишину в доме, поэтому следом слышится звук поцелуя. Здесь я уже не выдерживаю и вбираю побольше воздуха в легкие, закатываю глаза. *Да когда же это закончится?! Мой сын впервые привел в дом девушку, маленькую, теперь понятно, почему она ходит в гриндерсах. Детки чем-то занимались в темной и закрытой комнате, а теперь бесцеремонно целуются в нашей прихожей. Как я зла! Просто не нахожу себе места. К счастью, не могу отойти от плиты, помешиваю макароны, иначе бы точно выскочила в коридор.*

Спустя пару минут Ромка возвращается в комнату и садится за стол. Спиной чую, какой он довольный, с румянцем на щеках, повернуться даже страшно. Он знает, что я раздражена происходящим, но молчит. Рома — хороший сын, скорее всего, до конца прослушает мою нотацию про приглашенную в нашу квартиру девушку.

— Не слышал, когда ты пришла, — говорит Рома.

Малец прощупывает почву, пытается оценить, насколько адекватна. Непорядок, нужно показать ему свой статус:

— Ну извини, что не работаю круглосуточно!

Оставляю в покое макароны и поворачиваюсь к сыну. Как я и думала, мой Рома сидит за столом окрыленный: глазки сверкают, румянец на щеках горит красным, заливая кожу, губы растянуты в улыбке. Я невольно тоже улыбаюсь его виду. Пусть мне немного не по себе, но, кажется, мой ребенок счастлив. А значит, счастлива я. Хотя бы на время, сейчас...

— Мам, не злись, все путем.

— Дай угадаю, Полина у нас не первый раз дома?

— Вообще-то третий... Мы фильм смотрели, — находит оправдание Рома.

— Что за фильм? — делаю вид, что поддаюсь на его уловку.

— «Морбиус». Да ты не знаешь, зачем спрашиваешь? — отмахивается сын.

— Это где Джаред Лето в главной роли? Почему же, знаю, смотрела.

У сына брови вздымаются от удивления. Возвращаюсь к индейке на сковородке, которая требует моего срочного вмешательства. И в это же время немного посмеиваюсь про себя. Маме семнадцатилетнего сына приходится нелегко: нужно знать современных исполнителей и актеров, новые фильмы и книги. Иначе подросток быстро спишет тебя со счетов, и ты потеряешь авторитет. Между делом соглашаюсь с тем, что Ромка похож на своего отца. У него такие же очаровательные карие глаза и милые, все еще детские щечки. Волосы взъерошены, наверняка уложены специальным гелем. Что-то, а Рома умеет следить за собой. Даже сейчас он одет в свежую футболку и чистые штаны. К слову, футболка белая, и носки тоже. Мой чистюля. А какие носки были у Полины? Пытливо хочу вспомнить, но перед глазами возникает только ее надменная физиономия.

То, как она посмотрела на меня. Слегка встряхиваю головой, пытаясь отогнать ее образ, стоящий перед глазами. Об этом можно подумать позже, сейчас у меня в кухне голодный сын. Я не стану задавать ему лишние вопросы, типа: «Вы предохраняетесь?», «Сколько Полине лет?» или «Не рано вам *фильмы смотреть?*». Это только унизит меня в его глазах. И чем ему может возразить одинокая тридцатипятилетняя женщина, которая родила в восемнадцать лет? Рома и сам легко может поставить меня в неловкое положение. Так что я — пас, мне этого разговора не нужно.

— Уроки сделал? — все-таки выдаю коронную материнскую фразу.

— Ты серьезно? — морщится Рома.

— Так, на всякий случай, — пожимаю плечами.

— Вместе с Полиной и сделали, кстати. Она — хорошистка.

Еще одно «важное» открытие. Что за хорошистки пошли? Раньше хорошистки выглядели прилежными девочками, в школьной форме и с девственными косичками. Теперь же модно самовыражаться. Кто в чем хочет, в том и ходит. Божечки, ну откуда во мне столько нытья? Неужели я постарела? Снова воздерживаюсь от комментариев.

К счастью, по квартире проносится пиликание домофона. Это Сёма, мой младший брат. Он закончил с работой и теперь идет к нам в гости. Каждую среду Сёма ждет своего сына Мишку из секции карате, потому что его жена в этот день занята. Он сидит у нас обычно минут тридцать-сорок, после чего ему звонит сын, и он выходит его встречать. О том, что нужно поддерживать родственные связи — речь не заходит, просто секция находится достаточно близко к нашему дому, вот Сёма и выработал для себя удобную стратегию. Однако брат он все равно шикарный. Внимательный, заботливый, приходит всегда с чем-нибудь вкусненьким.

Сегодня он принес торт-мороженое. Стянул в прихожей свои кроссовочки-тапочки и тут же оказался в кухне. Сёма подошел ко мне вплотную, приобнял и чмокнул в лоб, а после пожал Роме руку.

— Вечер добрый, — здоровается в своей манере Сёма.

Мы с Ромой отвечаем ему тем же, и теперь все вместе садимся за стол. Обжаренные кусочки индейки стоят в большой чашке по центру, макароны порционно разложены мной по тарелкам. Рома тут же, не пробуя, солит еду, заливает кетчупом и начинает есть. Сёма не спешит. Сперва он протирает свои солидные очки в черной оправе, выкладывает телефон на стол, на экране которого светятся сотни непрочитанных сообщений, берет вилку в левую руку и пробует индейку. Он всегда сначала приступает к мясу, потом к гарниру. Я часто подшучиваю над его *раздельным* питанием. Ибо это так не работает.

— Маришка, индейка, как всегда, бесподобна, — хвалит Сёма мою стряпню.

— Да, мам, ништяк! — поддакивает Рома.

— Вот и хорошо, ешьте, — смущаюсь я.

Мои главные мужчины. Сын и брат. Еще, конечно, есть папа, но он редко навещается в гости. Они с мамой путешествуют. Так сказать, решили на старости лет повидать мир. Последний раз, когда я им звонила, то есть вчера, родители были в Питере. Мама всю жизнь работала и воспитывала двоих детей, потом судьба все-таки подкинула золотую монету, и папа стал больше зарабатывать. Так они накопили себе на полугодовой отпуск. Вот и сказке конец.

Однако моя сказка продолжается. В свои тридцать пять мне нужно «поднимать сына на ноги». Впереди маячит этот дебильный ЕГЭ, потом поступление в институт, а тут еще меж

делом Полина затесалась. Я снова нервничаю. Отчего-то мне хочется, чтобы Рома все-таки получил хорошее образование. Чтобы мог потом обеспечить свою семью, путешествовать. Да и вообще не думать о том, как доходить зиму в весенних сапогах. Чтобы жизнь не ставила его перед выбором: купить колбасу за сто девяносто девять рублей по акции или за шестьсот рублей. При таком раскладе лучше и вовсе без колбасы прожить.

— Ты слишком много думаешь, — подмечает Сёма.

Он решился сказать мне об этом, когда Рома давно расправился с ужином и ушел в свою комнату брэнчать на гитаре. Я облокачиваюсь рукой о столешницу и опираюсь щекой на ладонь, прикрываю глаза. Голова жутко гудит, хочется спать.

— Можешь поговорить с Ромой? Он сегодня привел девушку. Как бы они чего-нибудь не натворили, — на свой страх и риск рассказываю я.

— По мне так Рома не из таких, — возражает Сёма.

— Из таких или нет, а голову легко потерять в его возрасте.

— Это точно. Красивая хоть, девушка-то?

— Гриндерсы, длинные красные волосы, полтора метра роста и глаза, норовящие меня испепелить, — нудно перечисляю я.

— Бойкая, значит. Это хорошо, — говорит Сёма.

— Почему?

— Ромка у тебя слишком правильный, домашний мальчик. Такая будет им управлять.

— Ага, прям замечательно.

Тот факт, что моим сыном будет управлять какая-то цаца, не особо радует. В момент захотелось, чтобы Рома превратился в жесткого парня, который сам крутит девчонками и «сносит им головы». Но Рома таким не был. Он действительно